

Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

Князь Олегъ Константиновичъ умеръ отъ раны, полученной въ бою съ непріятельскимъ разѣздомъ, на который онъ бросился во главѣ гусаръ.

Занимаясь, въ теченіе двухъ лѣтъ (1910—1912 г.), преподаваніемъ Его Высочеству статистики и политической экономіи, я имѣлъ возможность, за этотъ періодъ времени, слѣдить за развитіемъ разностороннихъ способностей даровитаго князя Олега Константиновича. Пусть моя замѣтка, хотя въ слабой степени, напомнитъ свѣтлый образъ почившаго князя-героя.

Послѣ окончанія курса въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, Его Высочество кн. Олегъ Константиновичъ не пожелалъ получить спеціально военное образованіе и, съ разрѣшенія Государя Императора, поступилъ въ спеціальныя классы Александровскаго лицея. Принятое рѣшеніе вызывалось сознаніемъ необходимости получить въ высшемъ учебномъ заведеніи основательную теоретическую подготовку въ области общественныхъ и государственныхъ наукъ. Тѣ событія, которыя пришлось пережить Россіи съ измѣненіемъ сложившагося въ теченіе вѣковъ уклада народной жизни, подъ вліяніемъ перехода отъ общиннаго землепользованія крестьянъ къ частному, по видимому, явились тою внутреннею причиною, которая побудила юношу—князя отрѣшиться отъ традиціонной системы образованія и перейти къ изученію экономическихъ и юридическихъ наукъ.

Поступивъ въ Лицей, князь Олегъ Константиновичъ первые два года изучалъ читаемые въ Лицеѣ предметы на дому, подъ руководствомъ И. Г. Щегловитова, Э. Л. Радлова, Б. В. Никольскаго, Н. К. Кульмана и др. ученыхъ и сдавалъ экзамены въ Лицеѣ.

Организаціей учебными занятіями завѣдывалъ воспитатель августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Константина Константиновича Н. Н. Ермолинскій, настойчиво поддерживавшій въ нихъ убѣжденіе въ необходимости знанія не только для удовлетворенія личныхъ вкусовъ, но и для болѣе успѣшнаго выполненія вызываемыхъ высокимъ положеніемъ князей обязанностей предъ родиной.

Слушая первые два года лекціи на дому, князь Олегъ Константиновичъ умѣло воспользовался уроками преподавателей, пытливо добиваясь отвѣтовъ на сомнительные или неясные вопросы научныхъ дисциплинъ.

Получивъ приглашеніе читать лекціи Ихъ Высочествамъ Гавріилу Константиновичу и Олегу Константиновичу, я, не имѣвъ случая до этого времени встрѣчаться съ Ихъ Высочествами, приступилъ къ чтеніямъ не безъ нѣкотораго смущенія, но съ перваго знакомства августѣйшіе слушатели проявили такой интересъ и, скажу больше, энтузіазмъ къ предмету изученія, что появленіе къ нимъ во дворецъ являлось удовольствіемъ. Мнѣ памятно первое появленіе въ Павловскомъ дворцѣ, въ одномъ изъ флигелей котораго помѣщались Гавріиль, Олегъ и Игорь Константиновичи. Кабинетъ князя Олега Константиновича, гдѣ мы занимались, былъ украшенъ рѣдкими гравюрами и нѣкоторыми предметами, связанными съ памятью Великаго Преобразователя Россіи. Обстановка кабинета указывала на характеръ и вкусы ховяина: на столахъ лежали книги, которыя такъ любилъ почитать. Послѣ первой лекціи, князь Олегъ Константиновичъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „В. Т. Я буду очень стараться. Благодарю за интересную лекцію. Я буду у Васъ работать“. И этими первыми сердечными словами опредѣлилось его отношеніе къ предмету изученія. Это не была случайная фраза, напротивъ, послѣдующимъ серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ онъ доказалъ, въ какой степени слово его не расходится съ дѣломъ.

Между среднею и высшею школою какъ у насъ, такъ и за границею, нѣтъ преемственной связи, и поэтому поступающіе въ высшія учебныя заведенія должны преодолѣть не мало затрудненій, пока не освоятся основательно съ научными понятіями и методами.

Въ такомъ положеніи оказался и князь Олегъ Константиновичъ: въ теченіе перваго года ему трудно давалось усвоеніе юридическихъ и экономическихъ наукъ, въ особенности послѣднихъ. Мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать слѣдующее:

„изученіе философіи, литературы, меня не затрудняетъ, но экономическія науки для меня трудны: мнѣ объ нихъ ничего не приходилось слышать раньше“.

При его дарованіяхъ и настойчивомъ упорномъ трудѣ, затрудненія исчезли, и къ концу перваго учебнаго года для насъ, преподающихъ, были замѣтны сдѣланные имъ быстрые успѣхи въ усвоеніи преподаваемыхъ наукъ. Несомнѣнно этому содѣйствовала и окружающая обстановка.

Жизнь въ Павловскомъ дворцѣ, расположенномъ среди чуднаго парка, являющагося однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, представляетъ особыя удобства для успѣшной умственной работы. Окружающія условія содѣйствовали гармоническому развитію способностей даровитаго юноши. Чистая, разлитая вокругъ, духовная атмосфера благотворно вліяла на воспримчивую душу князя Олега и создавала тѣ привлекательныя черты въ характерѣ покойнаго, которыя такъ плѣняли въ немъ всѣхъ его знавшихъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ онъ проявлялъ благородство души и сердечность. Если ему приходилось слышать что-либо для него непріятное, но вызванное справедливостью, то это нисколько не мѣшало проявленію съ его стороны самыхъ милыхъ, сердечныхъ отношеній.

Въ теченіе преподавательской дѣятельности мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать молодыхъ людей съ столь развитымъ сознаниемъ долга, какъ у князя Олега Константиновича. Замедленіе въ выполненіи принятыхъ на себя работъ его мучило. Какъ-то зимою въ восьмомъ часу утра раздался телефонный звонокъ. Я подошелъ и слышу голосъ князя. На мой вопросъ, что это, Ваше Высочество, Вы такъ рано встали—онъ отвѣтилъ: „Я не сплю съ четырехъ часовъ, меня мучитъ моя работа о Ософанѣ Прокоповичѣ“.

При прекрасныхъ природныхъ дарованіяхъ, у него выработался приѣмъ схватить суть вопроса, не запутываясь въ мелочахъ. Родовая, семейная черта—прекрасная память облегчала ему быстрое усвоеніе прочитаннаго, а развитая, въ силу особыхъ условій жизни, наблюдательность помогала быстро понимать характеръ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться.

Помыслы князя Олега Константиновича были направлены къ основательному усвоенію знаній, необходимыхъ для служенія родинѣ, и несомнѣнно, въ послѣдующей жизни, при его трудо-способности и дарованіяхъ, изъ него выработался бы крупный государственный дѣятель.

Послѣдній годъ князь Олегъ Константиновичъ слушалъ лекціи въ лицѣ, и мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ рѣже. При свиданіяхъ, онъ охотно дѣлился впечатлѣніями учебной жизни и съ особеннымъ удовольствіемъ передавалъ о хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ своими однокурсниками, которые, по общимъ отзывамъ, его очень любили.

За это время я замѣтилъ въ немъ новую черту: помимо литературныхъ работъ, посвященныхъ Пушкину, изученію возвращенію Теофана Прокоповича на государство и др., въ немъ пробудился интересъ къ историческимъ занятіямъ, и онъ высказывалъ намѣреніе написать исторію жизни и дѣятельности ближайшаго сотрудника Императора Александра II, своего дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича, въ связи съ его эпохой.

Всѣхъ, соприкасавшихся съ княземъ Олегомъ Константиновичемъ, онъ подкупалъ искренностью и благородствомъ характера, вниманіемъ и доброжелательностью. Онъ добродушнѣйшимъ образомъ смѣялся, когда я, смотря на его чудные, добрые глаза, говорилъ ему: „Ваше Высочество, Вы знаете секретъ покорять сердца людей“.

Ко всему нечестному онъ относился съ нескрываемою брезгливостью и рѣзкостью.

Казалось, свѣтлое будущее открывалось предъ этимъ даровитымъ юношей. Высокая честность, любовь къ труду, упорная настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей и благородные помыслы сочетались въ его душѣ.

Судьба сложилась иначе. Она не пожалѣла его, и человѣкъ высокихъ помысловъ, благородныхъ порывовъ, окончилъ жизнь въ цвѣтущемъ возрастѣ, оставивъ по себѣ свѣтлую память у всѣхъ его знавшихъ.

В. Т. Судейкинъ.

